

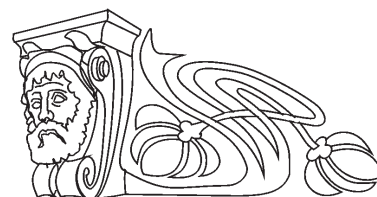

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 283–287
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 283–287
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-283-287>

Научная статья
УДК 1:316.4+304

Урбанизированная социальность: культура контроля в режиме медиатизации

О. Ф. Филимонова

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77
Филимонова Ольга Федоровна, доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии, психологии, filmon-2006@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8188-659X>

Аннотация. Введение. Статья посвящена изучению феномена культуры контроля в условиях медиатизации – неотъемлемой составляющей современного социального мира города. Специфика видения проблемы заключается в уходе от функциональной техничности позитивистских исследований в область онто-социальной рефлексии, расширяющей аналитический диапазон смысловывявления. В мультимедийной среде города быстрая ориентация без специальных выборочных критериев, возникающих в результате ожидания, поиска определенных объектов или намерения действий, требует широкой, а не фокусной стратегии форм-способов контроля. **Теоретический анализ.** Предлагается горизонт понимания контроля как не сводимого полностью к принуждающим и карательным функциям формального процесса, но культурно опосредованного явления. Выделяется процедура рассмотрения внимания в качестве интенционального акта или события как ресурса культуры и источника духовной работы по конституированию смыслов человеческой реальности. В духовно-антропологическом контексте показано, что внимание не есть только ориентирующий рефлекс, а внутренняя основа, не связанная со стратегиями наблюдения в виде механического внешнего восприятия. Ценность внимания определяется его максимально плотной целесообразной концентрацией, позволяющей преодолевать состояния бесконтрольности и рассеянности. **Заключение.** Установлено, что культура контроля есть специфический ментальный прием, обладающий возможностью улавливать ассоциативную смежность и взаимную связь даже удаленных друг от друга вещей. Будучи результативной «стяжкой» интуитивно схваченных и отрефлексированных форм смысла, она обеспечивает основу понимания всего того, что было по сущности и полноте воспринято лично. **Ключевые слова:** урбанизированная социальность, культура контроля, медиатизация, внимание, смысл

Для цитирования: Филимонова О. Ф. Урбанизированная социальность: культура контроля в режиме медиатизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 283–287. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-283-287>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Urbanized sociality: The culture of control in the mode of mediatization

O. F. Filimonova

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia
Olga F. Filimonova, filmon-2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8188-659X>

Abstract. Introduction. The article is devoted to the study of the phenomenon of the culture of control in conditions of mediatization – an integral part of the modern social world of the city. The specificity of the view on the problem lies in the departure from the functional technicality of positivist research into the field of ontological and social reflection, expanding the analytical range of revealing the meaning. In the multimedia environment of the city, rapid orientation without special selective criteria resulting from expectation, search for certain objects, or intent to act requires a broad rather than a focus strategy of forms and methods of control. **Theoretical analysis.** A horizon of understanding control as a not completely reduced to the coercive and punitive functions formal process, but a culturally mediated phenomenon is proposed. The procedure for considering attention as an intentional act, or event, as a resource of culture and a source of spiritual work for constituting the meanings of human reality is singled out. In the spiritual and anthropological context, it is shown that attention is not only an orienting reflex, but an internal basis that is not associated with observation strategies in the form of mechanical external perception. The value of attention is determined by its maximally dense expedient concentration, which makes it possible to overcome states of lack of control and absent-mindedness. **Conclusion.** It has been established that the culture of control is a specific mental device that has the ability to capture the associative adjacency and mutual connection of things which are even distant from each other. Being an effective “screed” of intuitively grasped and reflected forms of meaning, it provides the basis for understanding everything that was personally perceived in its essence and completeness.

Keywords: urbanized sociality, culture of control, mediatization, attention, meaning

For citation: Filimonova O. F. Urbanized sociality: The culture of control in the mode of mediatization. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 283–287 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-283-287>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Культурно-цивилизующая роль города, среда которого является преобразующей силой отдельных человеческих жизней в более универсальный образ жизни, заключается в способности поддерживать сосуществование гетерогенных людей и общностей. Социальный мир современного города, как никогда, сложный, плюралистичный и гиперкоммуницированный. Коммуникации – наиболее отличительный признак, который доминирует в его фактуре. Электронные и цифровые технологии позволили создавать виртуальный мир в социальном мире, тем самым модифицируя урбанизированную социальность и ее культуру в медиатизированные сущности. Таково на данный момент положение вещей в самой широкой семантической опции.

Многочисленные исследования феномена медиа, проводящиеся в теоретическом поле урбанистики, придерживаются двух основных подходов к вопросу о значимости, функции и эффектах медиатизации. Первый из них, который принято называть «средства коммуникации», или «технологический», можно объяснить как внешнее расширение медиатизации: электронные, телекоммуникационные связи и цифровые платформы в киберпространстве, ставшие неотъемлемой частью социальных взаимодействий. Так, современные города представляют собой среду мультимедиа, которая состоит из многих видов мультимедийных средств, функционирующих в сетях социальных коммуникаций [1].

Суть второго подхода (назовем его «фактор воздействия») сводится к тому, что медиатизация оборачивается мощным инструментом информационного влияния на сознание и поведение людей, тем самым изнутри трансформируя их ментальный мир. Урбанизированная социальность ориентирована на информационное производство и потребление; теоретически – это вопрос относительно сопряжений информационного и потребительского общества или проблемы сетевой урбанизации в эпоху информации, цифровизации и потребления. Коммуницируя в режиме многоуровневого и многократного сотрудничества через различные средства связи и в рамках данных возможностей, социальная мультисреда публично предоставляет и перераспределяет информацию, транслирует различные культурно-символические смыслы, правосознание и мировидение определенных сообществ, групп, индивидов, формирует организации и общественные действия. Однако главное заключается в том, что в обоих случаях урбосоциальность жизнедействует в структуре семантик, транслируемых институциональными сферами массовой коммуникации, которые и образуют мультимедийную среду города [2].

Разумеется, окруженный информацией и испытывающий в ней потребность человек остается физическим, реальным субъектом и ее возрастающие виртуальные потенциалы необходимы ему как ресурсы культуры как таковой. Проблема в том, что ресурс виртуального мира способен обеспечить лишь внешний охват и функциональную устойчивость, но на внутреннем уровне, рассеивая различия между целями и средствами, этикой и утилитарной прагматикой, не в состоянии удерживать высокий уровень смысла, какую бы идею он не носил – свободы, справедливости, знания, публичности и т.д. Вопрос в том, как защитить себя от информационного мусора, не превратиться в цифровой обмен в интернет-вещь, в услугу-дешевку для всеобщего пользования. Отсутствие устойчивых правил, «нормы качества» и определенного рода бесконтрольность в пользовательских практиках являются серьезным вызовом и потому его содержательный посыл требует ответа – культурной верификации. Соответственно, открытость к информационно-коммуникативным воздействиям не может быть не защищена формой-способом контроля.

Культура – понятие емкое, динамичное, не имеющее однозначного определения, для выявления сути которого задействованы разные траектории изучения. В нашем случае станем понимать культуру как сферу смысловой общительной связи [3, с. 104]. Безусловно, данная характеристика не отражает всех нюансов современного подхода к пониманию культуры, тем не менее в ней налицо сущностный градус коммуникации, выраженный не только в ссылках на социальные способы общения (опосредованные и деперсонализованные), но и в формах межличностной связи [4, с. 413].

Цель данной статьи – определить действенную сущность культуры контроля как важнейшего регулятивного принципа всякой осознанной деятельности, востребованной современностью; уйти от позитивистских подходов в область онто-социальной рефлексии, расширяющей аналитический диапазон смысловывявления.

Теоретический анализ

Современность работает с территориями опыта, которые являются контекстами, средами, расширительными формами существования человека в мире. Быстрая ориентация без специальных выборочных критериев, возникающих в результате ожидания, поиска определенных объектов или намерения действий, требует широкой, а не фокусной стратегии способов контроля. Проблема культуры контроля вписана в круг исследований, которые строятся в русле концептов риска и безопасности, вопросов информационных и коммуникационных технологий, управления и права,

методологически опирающихся на пограничные области культурфилософских, социологических и психологических подходов, на результаты эмпирических работ по урбанистике. Все эти познавательные тенденции тематически охватывают большой комплекс вопросов политического, идеологического, социального, психологического, культурного контроля, а также проблемы сциентизации и технизации культуры, отождествления ее с экологией и религией, толкования в качестве активной силы в общественном воспроизводстве, области столкновения мировоззрений и даже оружия XXI в.

Не стоит указывать, что феномен контроля историчен, историчны его социальные и культурные конструкты и конкретные их реализации, о чем уже было сказано М. Фуко. Отметим только, что контроль (проверка, наблюдение за кем- или кем-либо) определяется главным образом сакральными, естественными, предписанными и часто иерархическими выражениями, а не только специально функциональными терминами или явно универсальными критериями. На социально-организационном уровне контроль предполагает приведение в порядок, налаживание и обеспечение структурной безопасности, требует бдительности и внимания к окружению [5, с. 56–61]. Понятие контроля отражает институциональные ситуации и индивидуальные подходы, которые оказываются чрезвычайно разнообразными, и в этом свойстве он представляется многоплановым, опосредованным культурой актом, встроенным в разнообразные социальные контексты и среды.

Так, например, в «обществе контроля» по Ж. Делёзу управление немислимо без информационного контроля, в котором задействованы ультрасовременные социотехнические механизмы (виртуальная реальность, цифровой язык). Согласно Ж. Бодрийеру основным способом капиталистического производства стал контроль над процессом означивания. По словам К. Беккера, движущей силой современной культуры являются специалисты в сфере информационного взаимодействия, поскольку именно в технологизированных средах создаются условия для сохранения плюрализма и повышения разнообразия способов самовыражения, предоставляемых информационными и коммуникационными технологиями [6]. То, что в институциональном противостоянии внешних форм действия и ментальных ориентиров образуется область перманентного конфликта и борьбы, разъединенности и ассоциации различных социальных сил, сопротивлений и договоренностей, позиционируется под этикеткою ценностей демократии. Однако все авторы видят угрозу в инструментальном

использовании информационных технологий как способа усиления политического, экономического и культурного контроля, выполняющего по сути надзорно-карательную функцию по отношению к свободному самовыражению. Для Ж. Делёза, как и К. Беккера, аутентичным является порядок, не знающий принуждений, а культура представляется ими в виде системы средств, отвечающих ассимилированным повседневностью индивидуалистическим склонностям.

Таким образом, в сочетании множественных вопросов и опций намечены исходный пункт и ритм развития проблемы культуры контроля, что может отобразить одно из ее ключевых слагаемых. Этим основополагающим элементом культуры контроля является, на наш взгляд, внимание. В условиях беспримерной деструктивности социальной жизни и медиатизации можно и должно принять естественным побуждением к внимательному отношению к окружающим вещам и событиям, вербальным и невербальным коммуникациям. Скрытое и явное дезинтегрирование и реинтегрирование социального требуют искать объяснение различным формам его внутренней несоразмерности (утрата чувства безопасности и защиты, возрастание конфликтности и риска и т.п.). Современная рефлексия чревата диспаритетом «вызов–ответ», когда разрушается экзистенциальная линия существования человека, который во всех онто-социальных стратегиях перестает соответствовать собственной сути и тем притязаниям, что обеспечивают смысловое равновесие в обществе и культуре.

В ретроспективе уже продуманного в вопросе внимания [7] может быть довольно точно локализован поворот, призванный привлечь более широкое понятие смысла. Вопреки позитивистскому реализму расшифровка внимания в регистре его собственного содержания не исключает герменевтического анализа, который признает полисемантику толкований. Заметную веху на этом направлении оставила книга Н. И. Петрова, где внимание рассмотрено в модусе личного события как «экзистенциально-онтологического феномена, организующего живой опыт», как факта личной жизни, полноты самоличных восприятий, глубины переживаний и памяти [8, с. 25].

Хотя в реальности наблюдается противоположное состояние – режим «экономики внимания», он своими маркетинговыми стратегиями принуждает к фокусировке и скольжению сознания на зрительных явлениях, на эпифеноменальном и предложенном к обозрению наличном. С известной долей определенности можно сказать, что именно здесь, среди характерных черт современной визуальной культуры – парадокса

сосуществования избытка и дефицита – интенсифицируется, если последовать за метафорой неврологии, «узкое место» внимания [9]. Не будем детально разбирать объективность медицинского заключения, единственное, что следует подчеркнуть, сводится к тому, что оно визирует эффект зрительного восприятия, при котором «ресурсы внимания могут быть предназначены только для одной данности в единицу времени» [9, с. 63]. К тому же приведенный пассаж при всей объективности его утверждения не исчерпывает всей проблемы, а перевод состояния внимания в естественное (либо патологическое) измерение вполне может привести к утрате любого вероятного горизонта его понимания.

Наряду с осознанными очевидностями особенность проявления внимания как несущей части культуры контроля заключается в том, что оно производит работу, равную реконструкции, воспроизводству или преобразованию тех практически создаваемых обстоятельств, которые адекватны смысловым контекстам. Объяснения, в свою очередь, не только рефлексивны и самоотносительны, но и производимы объясняемым обстоятельством или ситуацией. Соответственно, внимание одновременно обусловлено и социальной культурой и само по себе служит определяющим фактором их появления и проявления.

Однако сегодня, когда затруднительна любая определенность, за исключением зыбкой двойственности и непреклонной множественности, возникает прецедент предпонимания – усилие внять самому себе (мы можем напомнить, что в русском языке понятие «внимание» производно от старославянского слова «имати» – брать; «внимати» – слушать). В экзистенциальном смысле предпонимание интересно тем, что достигнутое в нем прозрение обусловлено фактом самолично и изнутри пережитого опыта, что верно и для отдельного индивида, и для социального целого. И вся последующая сложность такого события состоит в том, чтобы быть внимательным к данному решению, удерживать и защищать его, ибо ценность его утвердительного смысла нуждается в постоянной и творческой проекции. Не «машинерия» внимания, когда ориентировочный рефлекс реагирует на модальности и точки в зрительном или ином поле, а введение в размышление, в умное созерцание содержательных уровней объектов и явлений. И делается это не мгновенно как инстинкт момента, а продолжительно, самоцельно.

Духовно-антропологическое заострение изначальных условий темпоральных и пространственных расширений свидетельствует о внимании как интенциональном акте или событии. Из всего разнообразия окружающей информации,

что могут воспринять органы чувств, мы воспринимаем лишь то, на что наше внимание настроено, что мы хотим ощутить и понять. Остальное предлежащее остается вне осознания и как бы не существует. Подобные оттенки ментальной жизни действительно существуют и в известном смысле обедняют сферу субъективного бытия. Этот прецедент тонко отмечен Н. О. Лосским: «В клетке своего сознания я замкнут, как в тюрьме, в камере вечного одиночного заключения; из внешнего мира до меня доходят в лучшем случае только сигналы, и я вправе даже усомниться, существует ли действительно что-либо вне моего сознания» [10, с. 139].

Методика умения владеть своим вниманием, способы формирования и развития в себе этого качества, дающего возможность почувствовать окружающее в его сущностном виде, заложена в педагогических целях и методах. Воспитатель призван создавать условия для саморазвития и самовоспитания ученика, и то, что предполагается таким требованием, мы можем называть педагогией внимания. Воспитатель доставляет в распоряжение нужные элементы осмысленного восприятия вещей, подсказывает, чего еще не достаточно или что надо еще подвергнуть контролю, проверке. Не обученный вниманию, т. е. не приученный «чутко» мыслить, чувствовать и действовать отношениями подконтрольно, всегда не готов к взаимности с миром. Вероятно, здесь можно прислушаться к формуле, выведенной из своего педагогического опыта преподавателем курса рисунка, профессором Д. Чиварди: «Каждый видит то, что его научили видеть» [11, с. 7].

Направленность внимания, как отмечалось выше, событие внутреннего порядка, культурного свойства, которому, однако, присущ предельный риск. Как известно, во многих случаях неудачный (случайный, поверхностный и т.п.) выбор объекта внимания и связанный с ним прошлый практический опыт (если он к тому же невелик) приводят к тому, что человек не понял сущности этого объекта, не раскрыл, не увидел в нем элементов и свойств, выражающих его сущность. Бесконтрольное распределение, переключаемость и рассеянность внимания – предпосылки его дефицита: работа сознания замедляется, появляются беспорядочные идеи, возникают иллюзии, чувства тоже замирают. Очень слабая степень внимания порождает привычку делать из частных случаев общие неточные выводы, инициирует опасную непредусмотрительность, побуждает подчинять ближайший интерес будущему, а в итоге нередко промахиваться мимо правильной цели.

Вот почему так опасно культивировать всякое первое, невольное (бессознательное) и даже яркое

впечатление: из этого «внешнего» опыта последуют выводы, оторванные от сути воспринимаемого. Но если первое впечатление выражает результат как создаваемый смысл, то тогда оно должно ухватывать впечатляющее и яркое в самом объекте как сущностное. Здесь на память приходит теза Е. Н. Трубецкого: «Покуда я делаю только предположения о смысле чего-либо мною переживаемого, я сознаю не искомый мною смысл, а только мои предположения. Сознать в собственном смысле – значит не гадать об истине или смысле воспринимаемого, а обладать им» [12, с. 23].

Заключение

Перспектива целостного видения предлагающего контролю подразумевает культуру имплицитно в той степени, в какой культура подразумевает контроль эксплицитно. Очевидно, что все это требует не только пронизательности живого, благородного ума, но и деликатности выражения, своеобразной мудрости в вопросах мысли, чувства и действия. Сколь ни парадоксально это звучит, в то время как поверхностность визуального разнообразия и дисперсия информации в условиях медиатизации наращивают дезориентацию сознания и закабаляют наше внимание, культура контроля как личностный отклик позволяет смотреть на мир осмысленно, обнаруживать в нем, что есть, скрыто и должно быть.

Список литературы

1. Маклюэн М. Понимание Медиа : внешние расширения человека. 2-е изд. / пер. с англ. В. Николаева. М. : Гиперборея ; Кучково поле, 2007. 464 с.
2. Маккуайр С. Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство. М. : Strelka Press, 2014. 392 с.
3. Сильвестров В. В. Культура. Деятельность. Общение. М. : РОССПЭН, 1998. 478 с.
4. Леонтьев Д. А. Психология смысла : природа, строение и динамика смысловой реальности. М. : Смысл, 2003. 487 с.
5. Кнорринг В. И. Социальное управление. Государство, коллектив, личность : учебник. М. : Экзамен, 2008. 687 с.
6. Беккер К. Словарь тактической реальности. Культурная интеллигенция и социальный контроль М. : Ультра. Культура, 2004 (Екатеринбург : ГИПП Урал. рабочий). 212 с.
7. Хрестоматия по вниманию / под ред. А. Н. Леонтьева, А. А. Пузыря, В. Я. Рома. М. : Издательство Московского университета, 1976. 296 с.
8. Петров Н. И. Герменевтика внимания в православном опыте. Саратов, 2004. 240 с.

9. Рамачадран В. Рождение разума. Загадки нашего сознания. М. : ЗАО «Олимп–Бизнес», 2006. 224 с.
10. Лосский Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М. : ТЕРРА-Книжный клуб ; Республика, 1999. 408 с.
11. Чиварди Д. Художественный образ в анатомическом рисовании. М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. 168 с.
12. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М. : Институт русской цивилизации, 2011. 656 с.

References

1. McLuhan M. *Ponimaniye Media: vneshniye rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Moscow, Hyperborea; Kuchkovo field Publ., 2007. 464 p. (in Russian).
2. Makkuayr S. *Mediynny gorod: media, arkhitektura i gorodskoye prostranstvo* [Media city: Media, Architecture and Urban Space]. Moscow, Strelka Press, 2014. 392 p.
3. Silvestrov V. V. *Kul'tura. Deyatel'nost'. Obshcheniye* [Culture. Activity. Communication]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998. 478 p. (in Russian).
4. Leontiev D. A. *Psikhologiya smysla: priroda, stroeniye i dinamika smyslovoy real'nosti* [Psychology of Meaning: Nature, Structure and Dynamics of Semantic Reality]. Moscow, Smysl Publ., 2003. 487 p. (in Russian).
5. Knorring V. I. *Sotsial'noye upravleniye. Gosudarstvo, kollektiv, lichnost': uchebnik* [Social Management. State, Collective, Personality: Textbook]. Moscow, Ekzamen Publ., 2008. 687 p. (in Russian).
6. Bekker K. *Slovar' takticheskoy real'nosti. Kul'turnaya intelligentsiya i sotsial'nyy kontrol'* [Tactical Reality Dictionary. Cultural Intelligence and Social Control]. Moscow, Ul'tra. Kul'tura Publ., 2004 (Yekaterinburg: GIPP Ural. rabochiy Publ.). 212 p. (in Russian).
7. A. N. Leont'ev, A. A. Puzyrei, V. Ya. Rom, eds. *Hrestomatiya po vnimaniyu* [Anthology on Attention]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1976. 296 p. (in Russian).
8. Petrov N. I. *Germevenitika vnimaniya v pravoslavnom opite* [Hermeneutics of Attention in the Orthodox Experience]. Saratov, 2004. 240 p. (in Russian).
9. Ramachadran V. *Rojdenie razuma. Zagadki nashego soznaniya* [The Birth of Mind. The Mysteries of Our Consciousness]. Moscow, ZAO "Olimp–Biznes" Publ., 2006. 224 p. (in Russian).
10. Losskii N. O. *Chuvstvennaya intellektualnaya i misticheskaya intuiciya* [Sensual, Intellectual and Mystical Intuition]. Moscow, TERRA-Knizhnyi klub, Respublika Publ., 1999. 408 p. (in Russian).
11. Chivardi D. *Hudojestvennii obraz v anatomicheskoy risovanii* [Artistic Image in Anatomical Drawing]. Moscow, EKSMO-Press, 2002. 168 p. (in Russian).
12. Trubetskoy E. N. *Smisl jizni* [Essence of Life]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2011. 656 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 10.05.2022; одобрена после рецензирования 15.05.2022; принята к публикации 22.06.2022
The article was submitted 10.05.2022; approved after reviewing 15.05.2022; accepted for publication 22.06.2022